

стове покланяемся»).⁴⁴ Соответственно этому в самой живописи надпись органически входит в художественное целое иконы. Начертание имени как бы утверждает образ, свидетельствует о его реальности. Используя древнее выражение, можно сказать, что надписание является «образом голоса», дополняющим живопись. Но в живописи, стремящейся к реалистическому воспроизведению действительности, для надписи нет места. Владимиров знает о значении надписи, но считает это предрассудком. «Сменщики и осначи... подпись всякую икону справливают, того ради и плоше свято быти», — замечает иронически Владимиров, добавляя, что «такого веления... нигде обрящешь» (л. 55). Зато он стремится показать необходимость авторской подписи (л. 38 об.), впервые пролагая путь к утверждению авторской индивидуальности. Так постепенно живопись из символического изображения божества превращается в отражение человеческого восприятия мира.

Древнерусские полемисты использовали «имяславие» в борьбе против протестантских обвинений в идолопоклонстве. Протестанты указывали на неизобразимость божества и на то, что нельзя проводить знак равенства между земным и небесным. Вместе с тем они говорили, что изображения Христа возможны, но лишь «на память», т. е. как историческая живопись.⁴⁵

Таким образом, когда Владимиров обосновывает «живоподобие» ссылками на известный ему опыт западного искусства, отвергая условные формы русского искусства, он использует те же аргументы, которыми ранее протестанты пытались показать идолопоклонство русских. Владимиров этого не замечает, видимо, потому, что его собственные взгляды на живопись приближаются к протестантским.⁴⁶ Как и протестанты, Владимиров подходит к иконописи с точки зрения исторической живописи: «Не знаменити бо ради и чудес подобныя персони святых или прочих человек писати обыкоша любомудрии, но истиннаго ради образа и вечного их возпоминания» (л. 25 об.). Известный историзм вообще присущ византийскому и древнерусскому искусству, но ранее это была лишь одна из сторон иконописи, которая теперь становится преобладающей. С точкой зрения иноземцев Владимиров знаком скорее всего лично. Он знает, что они не отрицают иконописи как исторической живописи: «не иконы святообразныя хулят, ниже образом святых ругаются, но смеются плохописанию и неразсмотрению истинны» (л. 34). Очевидно, что речь идет именно о протестантах, так как доказывать, что католики почитают иконы, не было необходимости.

Смелость и необычность взглядов Владимирова становятся особенно ясными, если вспомнить, что его «Послание» написано всего лишь через 12—14 лет после прений о вере с датским королевичем Вальдемаром в Москве, когда русская сторона отстаивала традиционные православные взгляды по всем пунктам, в том числе и по вопросу живописи.

⁴⁴ Там же, стлб. 79—80. О значении надписи в древнерусской живописи см.: П. А. Флоренский. Иконостас. — Богословские труды, сб. 9. М., 1972, стр. 100, 111.

⁴⁵ См.: Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные А. Голубцовым. — ЧОИДР, 1892, кн. II, М., стр. 44 (письмо королевича Вальдемара патриарху Иосифу, гл. 8: «...образом честь воздавать подобает... также подобает Христовы образы поставляти в чистых местах и взирати по времени, по изволению, с умилением, что написаны на память, и о чем написаны... только молитися им не велено»).

⁴⁶ Такие взгляды, видимо, были довольно распространены в привилегированных кругах, и Владимиров не был исключением. Так, Олеарий рассказывает об одном русском купце, «истинном христианине», как он выражается, который судил об иконах по аналогии с портретом шведского короля Густава. В этой же связи Олеарий упоминает и о других «знатных людях» (Олеарий, стр. 335—336).